

ХУДОЖНИК И ВРЕМЯ

РИСОВАТЬ – ЗНАЧИТ ЖИТЬ!

Уверен, что любой нормальный человек на земле вовсе не хочет стать очередной жертвой страшной эпидемии коронавируса, которая держит людей в состоянии всемирной катастрофы. Конечно, я делал все для того, чтобы сберечь здоровье и жизнь себе и самым близким мне людям. В течение всего прошлого рокового 2020 года избегал всяких массовых мероприятий, постоянно носил на улице маску и далеко не всегда перчатки. Однако, недаром гласит народная мудрость: «Человек предполагает, а Бог располагает». Утром 8 мая этого года у меня вдруг резко подскочила температура, и заметно ухудшилось общее состояние здоровья. Врачи скорой помощи внимательно прослушали мои легкие, посмотрели мои анализы и заявили, что я должен срочно в поликлинике сделать компьютерную томографию легких на наличие инфекции в организме. Результаты оказались, увы, положительными, и врачи сказали, что мне необходимо срочно лечь в больницу. К этому моменту состояние мое ухудшилось настолько, что я согласился на госпитализацию. Тем более, что положительный результат на ковид оказался и у моих близких. На сборы нам дали несколько минут. Я успел захватить с собой альбом для рисования, фломастер и карандаш. Через три часа меня поместили в огромный Центр на Каширском шоссе.

Здесь ныне и проходят лечение изолированные от внешнего мира тысячи больных людей – жертвы эпидемии коронавируса. Все вокруг меня напоминало гигантское лежбище моржей. Здесь не было никаких перегородок для разделения огромного пространства на камерные зоны. Всюду мелькал бесформенный медперсонал, облаченный в голубые халаты с синими полоска-

ми, маски и огромные очки. Определить их пол и возраст было невозможно. Единственной подсказкой служило имя на лацкане халата. Основу младшего медперсонала составляли молодые люди из Средней Азии и Закавказья. Они хорошо образованы, доброжелательны и легки в общении с массой немощных людей.

Мне наконец поставили капельницу, и я мгновенно отключился от всей этой «сюрной» реальности... В три часа ночи проснулся от очень громкого кашля сотен моих соседей. Под эту мощную звуковую вакханалию было просто невозможно заснуть. И тут я вдруг вспомнил, что в последний момент успел захватить в госпиталь альбом для рисования, черный фломастер и большую грушу, которая оказалась совершенно несъедобной. Поэтому решил хотя бы нарисовать ее в качестве натюрморта. Однако затея провалилась с треском. Оказалось, что родной организм не подвластен моему художественному порыву. Правая рабочая рука совершенно не подчинялась сигналам мозга, но главное, у меня напрочь отсутствовала привычная взаимосвязь моих помощников: разума, глаз и рук, между желанием и возможностью воплотить его на бумаге. Похоже, это были «цветочки», которые подарила мне эпидемия. Я здраво рассуждал о композиции, ритме, пространстве и других творческих задачах. Однако итогом творческих мучений стали плохо скомпонованные и нарисованные почеркушки, не имеющие отношения к моим прежним рисункам. Значит, поражены не только мои легкие, но и весь сложный творческий аппарат художника. Это открытие повергло меня в тяжелое нервное состояние.

Следующие три дня мне было особенно тяжело: я потерял аппетит, ослабел физически, к головокружению и

вялости добавились глухота, надрывный кашель и жуткие головные боли. Бедные медсестры делали все, чтобы облегчить мое положение. По ночам они практически не спали. Вскоре я сделал еще одну попытку восстановить совершенно разрушенное болезнью творческое состояние. Но и эта попытка нарисовать злополучную грушу завершилась неудачей, что повергло меня в отчаянье. На пятый день интенсивная медицинская помощь принесла свои плоды, и мне стало немного легче. Я наконец познакомился с соседями по несчастью. Оказалось, что с временным госпиталем на Каширке мне очень повезло. Разговоры вселили в меня надежду, что все обстоит не так уж плохо. Нужно лишь отремонтировать измученный эпидемией организм, а затем попытаться еще раз подтвердить на листе бумаги профессиональную пригодность.

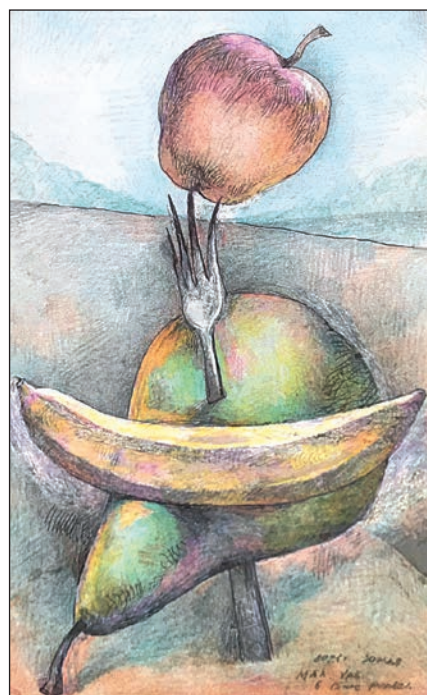
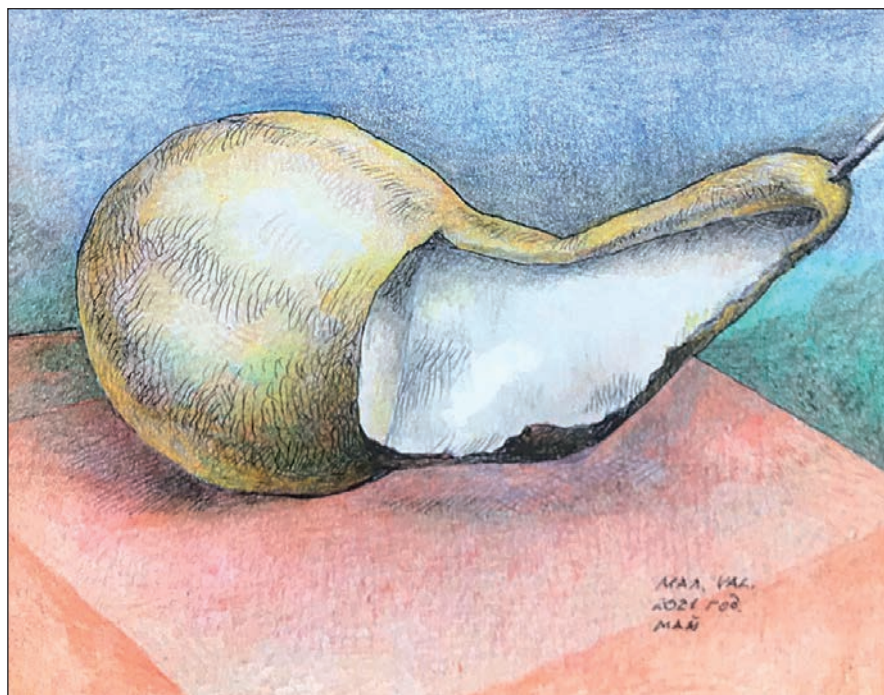
Чтобы ускорить процесс созревания груши, я отрезал от нее маленькую дольку в форме небольшого кубика. Эта трансформация вдруг превратила аморфный и вялый по форме фрукт в современный художественный объект, в котором органика по-новому «заработала» в единении с геометрическим декором. Столь неожиданно интересный эксперимент вдруг пробудил во мне желание немедленно выразить его в рисунке. Возможно, судьба предоставила мне последнюю возможность преодолеть последствия заболевания.

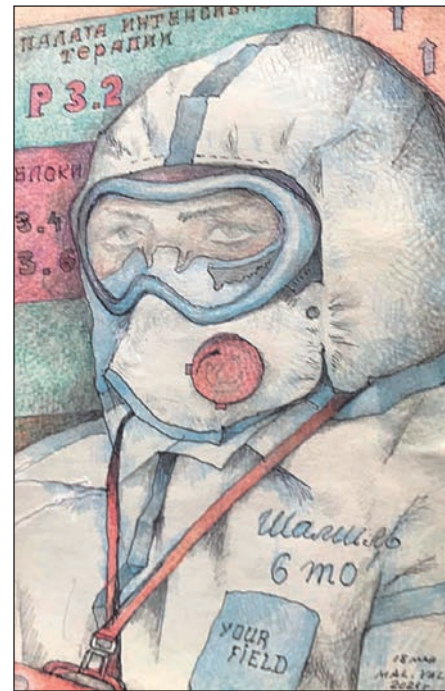
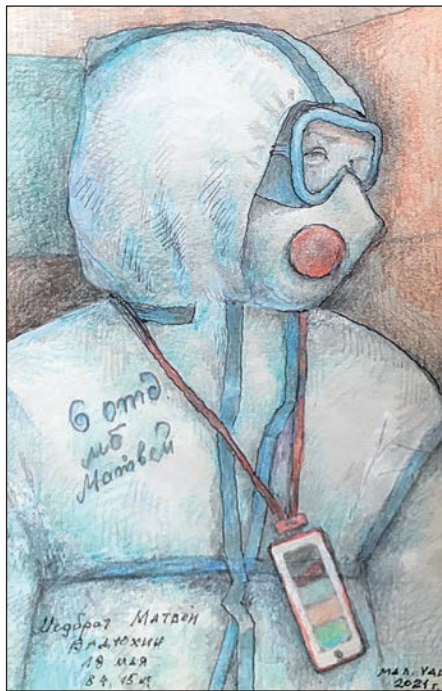
С трудом собрав в кучку то, что прежде называлось силой воли, я предельно сконцентрировал внимание на известных профессиональных моментах. Сначала нужно точно скомпоновать изображение на плоскости листа, верно определить пропорции изображаемых предметов, выявить в натюрморте основные акценты, передать объем предметов и их пространственную глубину. Но главное – слушать свою интуицию, никогда не быть рабом природы, быть честным и терпеливым в любом деле. Все остальное зависит от Бога и госпожи Удачи. Так говорили мои выдающиеся учителя и товарищи. Эти мысли снизили внутреннее напряжение и скованность. Рабочая рука постепенно стала подчиняться сигналам разума и глаза. Вопреки болезни почти не утратили былую остроту ум и умение видеть «большое – в малом, а малое – в большом».

В ночном полумраке я не сразу почувствовал стоящих за спиной медсестер ночной смены. Они были одеты в голубые халаты, скафандры с масками и огромные синие очки, как у гигантских стрекоз. В такой фантастической одежде ночью было невозможно определить не только пол, но даже имя медработника. Впрочем, имена моих посетителей были написаны на груди их голубых халатов рядом с номером лечебного отделения. Лишь так я мог определить, что передо мной вовсе не медсестры, а медбратья. Мой скромный рисунок почему-то вызвал их восторг, и они дружно обратились ко мне с просьбой нарисовать их портреты. Я порядком устал от работы, к тому же у меня с собой не было необходимых материалов, хотя бы цветных карандашей. Они мне были необходимы и для моих натюрмортов, которые мне захотелось сделать после истории с грушей...

В госпиталях существуют строгие правила передачи. Но мои новые знакомые уверили меня, что проблем с доставкой цветных карандашей (и не только) у меня не будет... На следующий день за умеренную плату мне к обеду доставили маленькую коробку цветных карандашей и большой пакет с различными продуктами. Пополнив фруктами свой натюрмортный фонд, я передал пакет жене и дочери Елене, которые так же стали узниками госпиталя. Неожиданное расширение графической палитры отодвинуло на задний план все мои «ковидные», явно дилетантские идеи. А любые новые замыслы всегда требуют своего скорейшего воплощения (хотя бы именно в этом небольшом листе бумаги). Возможно, именно в этот момент жажда жизни преодолела во мне ожидание неизбежного завершения жизненного пути...

Рисовать в огромном госпитале не очень удобно – постоянные капельницы, процедуры, приемы пищи и лекарств, бесконечные разговоры... Но вот наступила долгожданная полночь. Яркий свет ламп с потолка сменили персональные светильники. Стоявшая рядом с кроватью тумбочка была заполнена яблоками, бананами и грушами. Такое изобилие подталкивало к изменению моих композиционных задач. Я сознательно усложнил композицию, стал активнее использовать цвет.

Мой маленький ночной светильник вскоре привлёк к себе новых посетителей. Рисовать цветными карандашами – дело трудоёмкое. Я полюбил эту технику недавно, она позволила мне значительно расширить и углубить цветовые задачи. Я быстро преодолел неуверенность в своих возможностях. Небольшой размер натюрморта позволил мне быстро «обработать» всю поверхность натюрморта. Прямо на глазах мои изумленные полуночные гости невольно стали участниками мастер-класса. Я чувствовал свою художественную популярность, это новое ощущение вовсе не соответствовало моему недавнему творческому упадку. К удивлению, процесс ночного рисования с натуры простенького натюрморта вдруг доставил мне подзабытое чувство истинного наслаждения. И благодаря рисованию мне удалось неожиданно быстро преодолеть жуткие последствия эпидемии. Куда-то вдруг исчезло отработанное годами синхронное взаимодействие прежде надёжных помощников: мозга и глаз. Ведь пару дней назад я не смог без этих важнейших инструментов нарисовать самую простую форму.

Между тем, ночное время незаметно подходило к концу, бесконечные разговоры о житье-бытье с троицей медбрatьев и явное нарушение жестких госпитальных правил сближают ещё более. Под масками я наконец смог разглядеть глаза моих собеседников. Иногда нашу компанию дополняла добродушная медсестра Ася и медбрат Матвей. Узнав мою фамилию, они с помощью смартфонов через пару минут получили обо мне из интернета исчерпывающую информацию. Меня она обескуражила: ведь до сих пор я не умел пользоваться интернетом и даже не знал, как послать эсмэску. Но в госпитальном затворе осознал, что хозяева этого мира оказались шустрее, чем мне казалось недавно, они уже опутали весь мир смертельной удавкой информации. Если выживу, придется покупать смартфон и обучаться интернетным азам у своего внука Илюши.

Пора было расходиться, рассвет необратимо приближал приход новой смены. Мы настолько сблизились за время ночного общения, что казалось, знакомы тысячу лет. Перед уходом троица медбрatьев взяла с меня обе-

щание в следующий раз непременно нарисовать их портреты. Я согласился, ибо был почти уверен, что после нескольких нарисованных натюрмортов почти восстановил свою форму. Значит, смогу сделать портреты этих симпатичных молодых ребят, которые буквально день и ночь вытаскивают нас с «того света». Они хорошо образованы, искренни, и им интересно все новое. К тому же они обладают чувством юмора.

Усилия врачей и врожденный интерес к рисованию постепенно стали приносить первые благотворные плоды. Я точно знал, что если бы не согласился на госпитализацию, дни мои были бы сочтены. Никакое домашнее лечение не в состоянии заменить клиническую, хорошо отлаженную методику спасения людей.

И вот наступил тот самый вечер, в который в ночную смену вновь пришли работать мои знакомые медбрatья. Я чувствовал себя гораздо увереннее и поэтому рисовать портреты будущих молодых врачей был готов. С благодарностью и теплотой вспоминаю своих замечательных учителей, которые всегда утверждали, что без крепкого рисунка нам будет трудно решать поставленные задачи в живописи, архитектуре, графике или дизайне. Поскольку предстояло сделать несколько портретов, мы решили начать работу чуть пораньше. Троица медбрatьев разыграла между собой очередность. Первый оказался любознательный Шамиль, далее – задумчивый Даниил и следом – веселый шутник Ринат. Этот ночной мастер-класс я не забуду никогда. Среди всеобщего дружного храпа и надрывного кашля мы весело болтали, было очень интересно. Я был сосредоточен на работе, куда-то исчезла неуверенность в себе.

Через некоторое время я почти забыл обо всех негативных последствиях жестокой болезни. Эта эпидемия фактически вытолкнула меня из состояния долгой и тяжелой депрессии и неожиданно подарила мне новые эмоции и впечатления и главное – новые художественные образы и идеи, без которых не может существовать подлинное искусство даже в самые тяжелые времена!

В. МАЛОЛЕТКОВ,
народный художник РФ